Топкая ВЕСЬ

Элина Лисовская

Топкая весь

«Автор»
2026

Лисовская Э.

Топкая весь / Э. Лисовская — «Автор», 2026

Ксюша поссорилась со своим парнем и назло ему отправилась одна в лес на лыжах. Но пожалела об этом, когда угодила в метель и заблудилась. И еще больше пожалела, когда попала в странную деревню - "весь" на местном наречии - которой нет ни на одной карте...

© Лисовская Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 10

Элина Лисовская
Топкая весь

ТОПКАЯ ВЕСЬ[1]

Хорошо, когда зимой светит солнце, под лыжами скрипит снег, а лёгкий морозец пощипывает разрумянившиеся щёки. И совсем другое дело, когда небо затягивают низкие тучи, снег валит непроглядной пеленой, а ветер сбивает с ног. А ещё когда понимаешь, что заблудилась, а связь не ловит. Совсем.

Ксюша поглубже натянула капюшон и всхлипнула. Вот тебе и святочная неделя, праздники да гуляния! Права была мама, отговаривая ехать сюда. Так нет же, надо было упереться и настоять на своём!

Увидев рекламу святочных мероприятий в соседнем городе, Ксюша загорелась идеей. Предложила своему другу Сашке: мол, давай съездим. Тот согласился. Сашка как раз готовил курсовую о старинных праздниках и обрядах и мечтал отыскать то, о чём никто ещё не писал. Он учился на кафедре этнографии и антропологии в университете уже на четвёртом курсе, был в меру серьёзен, нравился Ксюшиным родителям и, самое главное, с ним никогда не было скучно.

Сама Ксюша окончила школу полгода назад, но никуда не поступила: всё не могла решить, чем ей хотелось бы заниматься. Поэтому беззаботно порхала по жизни, уверенная, что призвание само откуда-то возьмётся. Торопиться-то некуда, вся жизнь впереди.

Ага. Вся жизнь… Хорошо, если по весне спасатели отыщут то, что от неё осталось. Ксюша чуть не разревелась от страха и жалости к себе, к родителям. Про Сашку же подумала с неожиданной злостью: вот не захотел с ней идти на лыжах к незамерзающему озеру, которое она увидела с вершины холма, а ей из-за его упрямства теперь погибать. Заладил как попугай: нет тут никакого озера! Но она своими глазами видела, как сверкала под солнцем вода. Правда, быстро набежали тучи, и, когда Сашка поднялся к ней, разглядеть уже ничего не удалось. Но Ксюша направление запомнила и решила непременно это озеро найти. Не так уж далеко оно и было, как ей казалось.

Кончилось тем, что они с Сашкой поссорились, и она гордо ушла одна. Бояться не боялась, да и чего? Погода прекрасная, вода, еда и прочие походные мелочи есть, даже спички. А если что — в любом смартфоне имеются компас и карты. Вот только смартфон без интернета бесполезен, лыжню замело, место незнакомое, вокруг бушует метель, даже костёр не разжечь, а руки-ноги закоченели от холода. Пригодились бы папины советы — он много знает про выживание в дикой природе, да только из его рассказов Ксюша мало что запомнила, разве что главное — паниковать и спать нельзя. Поэтому, когда стало клонить в сон, она принялась яростно растирать ладони, притопывать, про себя ругая Сашку на чём свет стоит. Почему не пошел с ней? Вдвоём проще и выбраться, и согреться. И вообще, он старше, он мужчина и должен за неё отвечать. Вот замёрзнет она, и пусть ему стыдно будет!

Очередной порыв ветра принёс слабый, но противный запах тухлятины. Девушка поморщилась, принялась отряхивать с одежды снег и вдруг нахмурилась. Под тонкой тканью куртки прощупалось что-то округлое, твёрдое. И Ксюша вспомнила: когда мама поняла, что от поездки её не отговорить, то сняла с шеи старое украшение, с которым никогда не расставалась, и взяла с дочери слово, что та наденет его и не будет снимать. Ксюша пообещала, но обещание не выполнила: просто сунула вещицу в нагрудный карман лыжной куртки и забыла о ней. Да вот случай заставил вспомнить.

---

[1] *Маленькое поселение в Новгородской области.*

Раньше она часто разглядывала этот необычного цвета отполированный камень с высеченной не то снежинкой, не то буквой «ж» и ещё какими-то узорами, стёршимися от времени. Мама носила его на крепком шнурке, боясь потерять. Говорила, что это древний оберег, который достался её бабушке ещё от прабабушки и что его всегда хранили как величайшую ценность, передавая от матери к старшей дочери.

Негнущимися пальцами Ксюша вытащила оберег за шнурок, кое-как надела на шею, затолкала поглубже под одежду. Смысла в этом не было никакого, но сейчас девушка цеплялась за любую соломинку, будь то даже глупая мысль о чуде. И, положив ладонь поверх камушка, отчаянно попросила неизвестно кого: «Помоги! Помоги, пожалуйста!»

Ветер хлестнул по щекам, снег набился в рот. Ксюша закашлялась, отплёвываясь.

— …ты еси? — долетело сквозь белую пелену.

Девушка обернулась на звук голоса.

Неподалёку стояла невысокая тёмная фигура. Ксюша шагнула было к ней, но та отступила и что-то произнесла. Ксюша не разобрала что. Поняла только, что голос женский.

— Помогите, тётенька! Я заблудилась, замёрзла. Не уходите.

Немного поколебавшись, фигура приблизилась:

— Я едина тут. Почто говоришь, будто со мной ещё кто-то есть? И какая я тебе тётенька?

— А как тогда вас… тебя звать?

— Дома Младой кличут. А баб*у*нька Надёжей звала.

Ксюша вспомнила, что в кармане куртки у неё есть фонарик. Кое-как вытащила и включила его, направила на себя, затем в сторону незнакомки. От неожиданности фигура вновь отпрянула, затем с опаской подошла, и Ксюша увидела женщину, одетую совсем не по-современному: длинная тёплая юбка, из-под которой выглядывают некрашеные широкие лыжи, тулуп, платок на голове повязан по самые брови и так намотан, что почти закрывает нижнюю часть лица. Руки в неуклюжих рукавицах держат еловые лапы.

— А, так ты из этих, новых? Туда ступай, — она махнула рукой куда-то в сторону и повернулась, чтобы уйти.

— Постой! Ну куда я пойду?! Я дороги не знаю! — Ксюша бросилась за женщиной, оступилась, упала, выронила фонарик, но всё же ухватилась за край юбки: — Помоги мне ради бога! Пожалуйста…

Незнакомка хотела было вырвать подол из пальцев девушки, но замерла, раздумывая. Затем тяжело вздохнула и как-то обречённо сказала:

— Идём.

Ксюша вытащила из сугроба фонарик, принесла свои лыжи и принялась окоченевшими пальцами торопливо прилаживать их к ногам, опасаясь, что странная женщина сейчас исчезнет в снежной пелене и тогда конец. Но незнакомка не уходила, молча стояла, глядя на мучения девушки. А когда та наконец справилась, легко заскользила по снегу. Ксюша с трудом ковыляла за ней, а незнакомка всё ускорялась, словно ветер ей был не помеха.

— Надя-а-а-а!

Спутница приостановилась:

— Аюшки?

— Я не могу так быстро!

— Тогда оставайся, — ответила та и снова заскользила вперёд. Ксюша разозлилась, но выплескивать злость на незнакомку побоялась и стиснула зубы, стараясь сильнее отталкиваться палками и шустрее перебирать ногами. Свет фонарика в руке метался туда-сюда, придавая всему вокруг какой-то фантасмагорический вид. В какой-то миг девушке захотелось сдаться, лечь в сугроб, и будь что будет, но она упрямо продолжала идти за женщиной, даром что уже едва различала её.

Наконец под кожей закололо иголочками: кровь быстрее побежала по венам. Ксюша почувствовала, что руки и ноги снова стали послушными, по телу разлилось тепло, а затем и жарко стало. Она так разогналась, что едва не врезалась в незнакомку.

— Согрелась? — спросила та, и в её голосе почудилась легкая усмешка.

— Да, — кивнула Ксюша. И тут её осенило: — Ты это нарочно так быстро шла?

Та кивнула. А девушка вдруг поняла, что, хотя снег и продолжает идти, воя ветра уже не слышно.

— Скоро буран закончится, — проговорила женщина.

— Я всё равно дорогу не найду, — испугалась Ксюша. — Ты… не могла бы пустить меня переночевать, а утром показать, куда идти? А я заплачу, чем смогу.

Правильнее было бы сказать «сколько смогу», но слова сами слетели с языка. Женщина отчего-то рассмеялась, и Ксюше стало не по себе: она так обрадовалась, увидев человека, что даже не задалась вопросом, что делает эта женщина в такую погоду в лесу одна, да ещё и без фонарика. И имена эти… Одно-то нормальное, а вот второе чудное. Но деваться всё равно некуда. Перспектива замёрзнуть в лесу пугала сильнее, чем странная незнакомка.

А та, отсмеявшись, ответила:

— Что ж, переночевать можно. Истобка[2] моя тут недалеко… Только живём мы наособицу, по своим правилам и законам. Вам, нынешним, это непривычно, потому у нас в веси гостей и не жалуют.

— Где?

— В веси. В деревне по-вашему.

— Я хорошо себя вести буду, — совсем по-детски сказала Ксюша. Женщина хмыкнула, качнула головой:

— Ну пойдём.

— А как ты в буран не побоялась из деревни уйти?

— Чудно говоришь! Лес пропасть не даст. Он нам как дом родной.

— А еловые лапы тебе зачем? — полюбопытствовала девушка. — В избе поставить?

Её спутница аж поперхнулась:

— Да ты в своем ли уме?! Ель — дерево мёртвых! И такое в дом тащить?! — она вдруг осеклась. Потом примирительно проговорила: — Не гневись. Опять я забыла о разнице между вами и нами… Для предков это умерших, попариться. Издавна так повелось. В праздник тех, кто ушёл в мир иной, тоже приветить, попарить да попотчевать надо. Пусть знают, что мы помним о них, помогают и оберегут…

Голос женщины дрогнул, и она, замолчав, продолжила путь. Ксюша шла за ней и думала, куда её угораздило попасть. К сумасшедшей? Или к заигравшимся реконструкторам? Или неожиданно повезло оказаться у тех малых народов, сохранивших свой уклад до наших дней? Вопросов было много, однако Ксюша не раскрывала рта. Но когда вновь потянуло гнилью, не выдержала:

— А чем это так пахнет ужасно?

— Не гневи Хозяина! — женщина выдохнула эти слова так, что девушка застыла как вкопанная.

— Какого… хозяина?

— Болотного, — Млада повернулась к ней. — Здесь болото недалеко, потому и запах такой. А хозяин есть у всего, и у болотины тоже. Он сильный, очень сильный. Но нам позволил жить рядом, дарами делится щедро. Весь наша бахвальная[3], не в пример другим.

Показалось Ксюше или нет, но в голосе женщины прозвучала не радость, а горечь.

---

[2] *Дом, жилище.*

[3] *Богатая, зажиточная.*

— А мы скоро дойдём?

— Скоро. Только вот что… Как бы чудно, странно и непонятно тебе ни было, суждения свои при себе оставь. В дом я зайду первая, а ты в сенях жди, покуда не пригласят. А зайдёшь — поклонись да поздоровайся уважительно сперва с батюшкой Жадом, затем с матушкой, если братья дома — потом с ними. Да попроси разрешения переночевать. В доме, пока не пригласят, на лавку не садись. А как позволят, садись на длинную. Короткая у входа — для батюшки и братьёв. Длинная — наша, женская. Запомнишь ли?

— Постараюсь.

— Постарайся, — тихо проговорила женщина. — Пригодится.

Она вновь остановилась, посмотрела на обступившие их голые деревья с зеленоватой корой и вдруг спросила:

— Ты в Бога-то веруешь?

— Ну-у… — протянула Ксюша, которую вопрос застал врасплох. — Немного.

— Значит, не веруешь, — строго произнесла незнакомка. — Вера либо есть, либо нет. А по-твоему так выходит, словно на вопрос «Непраздна ли ты?» ответить «Немного».

— Я не лентяйка, — обиделась Ксюша. — И в церковь хожу. Иногда. С родителями.

— Я не про лень говорю, — усмехнулась Млада. — А про дитя в чреве: либо оно есть в тебе, либо нет. Так и с верой. А церковь... Бывает, что туда и без веры ходят. И обрядам следуют только для виду.

— Ну и что?

А то, что плохо это. Других обмануть можно, а вот себя и Бога – не выйдет. Если веры нет, значит пусто внутри. А пустоту занять может кто угодно. И не всегда с добром и пользой.

– Ну а ты-то в Бога веришь?

– Верую, – твёрдо ответила Млада. – Несмотря ни на что. И верю, что предков чтить нужно. Забудешь — пропадёшь. В чужое заставят уверовать, подменят на иное — и ниточки, что с душами пращуров связывают, оборвутся, силы лишат. А это как у дерева корни иссечь. Знаешь, что с деревом происходит, когда корень гибнет? То-то.

Млада долго молчала, потом вздохнула:

— У тебя дома-то кто есть?

— Мама, папа, подружки, друзья. И… Сашка ещё.

— Суженый?

— Ну… не то, чтобы, но…

— Родители супротив?

— Нет. Просто ему ещё выучиться надо. И мне. А уж потом…

— Почто же ты одна в лес сунулась, без него?

— Так он не захотел со мной к озеру идти! Сказал, нет здесь его! А я-то видела, как оно вдалеке сверкает. Поссорились, и я ушла. Вот из-за Сашкиного упрямства тут и оказалась.

Млада посмотрела на девушку. В свете фонаря её взгляд был таким, что Ксюша невольно попятилась:

— Ты чего?

— Здесь нет озёр, — медленно проговорила женщина. — Только Великая болотина, которая не замерзает даже в самый лютый мороз.

Ксюше вдруг стало так жутко, что захотелось бежать прочь без оглядки, но ноги, казалось, приросли к земле.

— Как нет? Разве я… болото увидела? Не может быть…

— Начертанное, — проговорила спутница и вздохнула: — Что теперь полошиться? А дома очень горевать будут, если не вернешься?

— Конечно! Папа с ума сойдёт, и мама… И Сашка… тоже переживать будет, — с неожиданной остротой Ксюша осознала, что больше всего на свете хочет оказаться дома, рядом с

родителями и Сашкой, и никогда не видеть ни этот проклятый лес, ни эту странную, до жути пугающую незнакомку. И, едва не плача, прошептала: — В каком смысле… не вернусь?

Млада усмехнулась:

— А вдруг у нас дюже глянется и никуда больше не захочешь? Ладно, идём. Делай всё, как я скажу, да болтай поменьше и Надёжей там меня не называй. Убегать не вздумай, пропадёшь. В эти ночи здешний лес для чужих опасный. И вот ещё что… Что бы тебе ни предлагали, проси родных моих, чтобы я всегда при тебе была. А как угощать будут, есть-пить не моги, просись для начала попариться в баньке. Да прочухайся ты! — женщина с силой тряхнула Ксюшу за плечи. — Поняла?

Ксюша быстро закивала. Женщина повернулась и вышла из круга деревьев. Следом за ней побрела и перепуганная девушка.

Когда вошли в деревню, снег прекратился. Сквозь тучи начала пробиваться луна.

— Вот и пришли, — весело проговорила Млада. — Видишь, в каждой истобке угощение готовят! И с горок кататься будем — парни надысь их сделали да водой залили.

Ксюша поглядела по сторонам. Дворы за заборами, похоже, большие, избы тоже не маленькие. Над крышами вился дым, в крошечных окнах горел тусклый свет. Она сперва удивилась, но потом вспомнила, что в старину окна делали маленькими для удержания тепла, а освещались дома лучинами. Но на дворе-то двадцать первый век! Господи, неужели она, как героиня какой-нибудь книги, попала в прошлое?! Нет, скорее, перед ней деревня каких-нибудь поехавших головами сектантов, вообразивших себя древними славянами.

Девушка шмыгнула носом. До чего же запах противный! Как они тут живут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.